

УДК 93/94
EDN PJFCOR

Двадцатипятитысячники в татарской деревне: после «головокружения от успехов»

В. А. Ипполитов,

*Тамбовский государственный
технический университет,
г. Тамбов, Российская Федерация*

Twenty-Five Thousanders in a Tatar Village: after the “dizziness from success”

V. A. Ippolotov,

*Tambov State Technical University,
Tambov, Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматривается деятельность двадцатипятитысячников в Татарской республике, направленных в командировку после ноябрьского пленума партии 1929 г. Актуальность исследования обусловлена отсутствием современных специальных работ о двадцатипятитысячниках в Татарской республике. Цель работы: изучить социально-политические факторы деятельности рабочих на фоне коллективизации сельского хозяйства. Задачи работы: рассмотреть возрастной состав командированных рабочих, основные направления их деятельности, материально-технические условия труда в колхозах, участие в хозяйственно-политических кампаниях, отношения с крестьянством и местной бюрократией. В статье анализируется деятельность двадцатипятитысячников за 1930 г., который стал переломным в истории российского крестьянства. Показаны особенности положения рабочих в деревне после 2 марта 1930 г., когда вышла статья И.В. Сталина «Головокружение от успехов». Территориальные рамки исследования ограничены территорией ТАССР. Источниками для статьи стали материалы фонда республиканского комитета ВКП(б) Государственного архива Республики Татарстан. Особое внимание автор уделит стенограммам совещаний, письмам и телеграммам. В статье анализируется состав рабочих, уровень их подготовки и распределение. Сделан вывод об их психологической и профессиональной неподготовленности. Основное внимание уделено деятельности рабочих по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Показаны антикулацкие настроения рабочих и их участие в поиске враждебных элементов. Проанализированы материально-бытовые условия работы двадцатипятитысячников. Рассмотрены сложные взаимоотношения рабочих и местных чиновников. Доказано, что большая часть двадцатипятитысячников не смогла адаптироваться в условиях татарской деревни. Эффективной работе

командированных в деревне препятствовали такие факторы как незнание ими сельского хозяйства, неспособность к организаторской работе, недостаток помощи со стороны государственных структур, тяжелые материально-бытовые условия. Установлено, что попытка укрепить союз города и деревни была неудачной из-за антикрестьянской политики власти.

Abstract

The article examines the activities of the twenty-five-thousanders in the Tatar Republic sent on a business trip after the November plenum of the party in 1929. The relevance of the study is due to the lack of modern special works on the twenty-five-thousanders in the Tatar Republic. The purpose of the work: to study the socio-political factors of the workers' activities against the background of the collectivization of agriculture. The objectives of the work: to consider the age composition of the workers sent on business trips, the main areas of their activities, the material and technical conditions of work on collective farms, participation in economic and political campaigns, relations with the peasantry and local bureaucracy. The article analyzes the activities of the twenty-five-thousanders in 1930, which became a turning point in the history of the Russian peasantry. The features of the situation of workers in the village after March 2, 1930, when I.V. Stalin's article "Dizzy with Success" was published are shown. The territorial scope of the study is limited to the territory of the TASSR. The sources for the article were the materials of the fund of the 15th Republican Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of the State Archive of the Republic of Tatarstan. The author paid special attention to the transcripts of meetings, letters and telegrams. The article analyzes the composition of the workers, their level of training and distribution. A conclusion is made about their psychological and professional unpreparedness. The main attention is paid to the activities of the workers on organizational and economic strengthening of collective farms. The anti-kulak sentiments of the workers and their participation in the search for hostile elements are shown. The material and living conditions of the twenty-five-thousanders are analyzed. The complex relationships between the workers and local officials are considered. It is proven that the majority of the twenty-five-thousanders were unable to adapt to the conditions of the Tatar village. The effective work of those sent on business trips to the village was hampered by such factors as their ignorance of agriculture, inability to organize work, lack of assistance from government agencies, difficult material and living conditions. It was established that the attempt to strengthen the union of the city and the village was unsuccessful due to the anti-peasant policy of the authorities.

Ключевые слова

Двадцатипятитысячники, коллективизация, ТАССР, раскулачивание, деревня, крестьянство, перегибы, колхозы, партия, рабочие.

Keywords

Twenty-five-thousanders, collectivization, TASSR, dispossession, village, peasantry, excesses, collective farms, party, workers.

Благодарность

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00132-П, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Acknowledgements

The study was supported by the Russian Science Foundation, grant No. 22-18-00132-P, <https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

История двадцатипятидесятитысячников представляет собой уникальный пример социальной мобилизации, поэтому давно привлекает внимание исследователей. В данной статье рассматривается деятельность рабочих в Татарской республике в 1930 г. Для советской историографии характерна исключительно позитивная оценка роли двадцатипятидесятитысячников¹. Начиная с периода Перестройки, исследователи смогли получить доступ к ранее засекреченным документам, что помогло переосмыслить роль двадцатипятидесятитысячников в социалистическом реформировании деревни. Деятельность рабочих на примерах отдельных регионов страны была изучена в работах Н. Д. Троценко², С. А. Левакина³, Н. В. Мику⁴, О. И. Иевлевой⁵, А. А. Германа⁶, И. В. Гончаровой⁷ и др. В то же время следует подчеркнуть, что отсутствуют специальные исследования о деятельности двадцатипятидесятитысячников в татарской деревне. Отдельные сюжеты по данной теме присутствуют в трудах И. И. Галлимуллина⁸, Ф. А. Ахметшиной⁹, Р. А. Аструдиновой¹⁰, но дальнейшее изучение представляется актуальным.

В данной статье акцентируется внимание на взаимодействие прибывших в деревню рабочих и сельского социума. Актуальной является тема взаимоотношений разных поколений, так как двадцатипятидесятитысячники являлись в основном молодыми людьми, которые сталкивались с представителями старших возрастов. Методологической основой работы является концепция поколения «революционного перелома» Ю. А. Левады¹¹.

Источниками для исследования стали документы архивного фонда Государственного архива Республики Татарстан (ГА РТ). Рассматривался фонд П-15 Татарского республиканского комитета ВКП(б), именно в нем сохранилась основная информация относительно двадцатипятидесятитысячников. Исследовались такие документы как стенограммы совещаний рабочих, письма и телеграммы. Большинство использованных документов впервые вводится в научный оборот.

На ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) в 1929 г. прозвучала идея командировать 25 тысяч рабочих на постоянную работу в сельскую местность. Целью кампании было организационно-хозяйственное укрепление колхозов с помощью политически опытных рабочих¹². Срок командировки в деревне, видимо, сознательно не оговаривался.

К началу сплошной коллективизации ТАССР представляла собой преимущественно аграрный регион с разнородным национальным составом. По данным статистического управления площадь республики на 1928 г. составляла 6,7 млн га, где проживало 2,59 млн человек. Население было разнообразным: 1,26 млн татар (48,8 %), 1,11 млн русских (43 %), 127 тыс. чуваш (4,9 %), 35 тыс. мордвы (1,4 %), 23 тыс. вотяков (0,9 %), 13 тыс. марийцев (0,5 %)¹³.

Вербовка рабочих на казанских предприятиях началась 9 января 1930 г. Всего около 130 местных рабочих было отобрано для командировки в деревню. В то же время в ТАССР были отправлены 218 московских и 44 бакинских рабочих (из поволжских татар)¹⁴. По производственному стажу распределение двадцатипятидесятитысячников выглядело так: до 3 лет – 3 человек, от 3 до 5 лет – 14 человек, от 5 до 10 лет – 96 человек, от 10 до 15 лет – 55 человек, от 15 лет и выше – 58 человек¹⁵. Основная масса двадцатипятидесятитысячников (около 70%) были еще молодыми людьми в возрасте до 35 лет. Большинство командированных рабочих можно отнести к поколениям «детей революции» и «революционного перелома»¹⁶.

По поколенческому составу двадцатипятидесятники Татарстана соответствовали общесоюзной статистике, где согласно подсчетам В. М. Селунской рабочие от 23 до 40 лет насчитывали свыше 70%¹⁷.

Среди командированных в Татарскую республику преобладали мужчины (91,7 %), что являлось оправданным, учитывая национальный состав региона. Этнический признак рабочих играл ключевую роль при отправке в ТАССР: татар было 46 %, русских – 50,5 %, других – 3,5 %. По партийности: коммунисты составляли 270 человек (69 %), комсомольцы – 89 (23 %) и беспартийные – 31 (8 %)¹⁸. Всего по состоянию на июль 1930 г. в республике находилось около 400 двадцатипятидесятников¹⁹. Основными критериями вербовки рабочих были партийность и активизм (сознательность)²⁰. Пройденные рабочими краткосрочные двухнедельные курсы, где освещалась политика ВКП(б) в деревне были явно недостаточны для успешной работы в деревне.

Типичным двадцатипятидесятником являлся Л. М. Никитин, принадлежавший к поколению «революционного перелома» и родившейся в 1896 г. Активист появился на свет в Ярославле в семье бывших крестьян. Леонид окончил трехлетнее начальное училище, хотел учиться дальше, но его родители переехали в Москву, где он стал рабочим на фабрике. В начале 1915 г. призывается в армию, где его отправляют в авиационную, а затем автомобильную школу, после обучения попадает на фронт. Никитин в 1917 г. поддержал большевиков, а через два года вступает в партию. После демобилизации окончив юридические курсы, работал в Казани, откуда и был командирован в деревню в счет 25 000²¹. Пройдя через ряд переломных для страны событий, многие люди его поколения становились, весьма радикально настроенными.

После выхода статьи Сталина «Головокружение от успехов» и кампании по борьбе с «искривлениями линии партии» работа двадцатипятидесятников была направлена на укрепление сохранившихся коллективных хозяйств. Примерный устав сельскохозяйственной артели, опубликованный в марте 1930 г. давал лишь общие сведения об организации и оплате труда в колхозах. Между тем наспех организованные артели остро нуждались в организационно-хозяйственном укреплении. Насущными проблемами являлись внедрение правильной организации труда, сдельной оплаты, укрепление дисциплины, организация социалистического соревнования. Даже ведение документации было затруднено из-за отсутствия грамотных специалистов и бланков для учета труда. Даже в советской историографии признавалось, что двадцатипятидесятники «должны были сами вырабатывать на практике формы и методы организации труда»²². Неблагоприятным фактором выступало резкое сокращение рабочего и продуктивного скота. В Татарской республике дополнительной сложностью была слабость национальных кадров.

В условиях гонки за процентами коллективизации многие колхозы остались без кормов и сельскохозяйственных орудий. В 1930 г. двадцатипятидесятники работали в условиях, когда в Райколхозсоюзах не было «не гвоздей, ни хомутов, ни подков»²³. Материальная поддержка созданных хозяйств со стороны государства в республике оставляла желать лучшего. Двадцатипятидесятник, руководивший Кеймордановским колхозом Мамадышского кантона, направил запрос на помощь в строительстве конюшни в Райколхозсоюз, но на них «стали

смотреть как на зверей». В Татколхозсоюзе на просьбу прислать гвоздей ответили: «Вы случайно не из Кеймордановского колхоза? Нет, тогда вам отпустим»²⁴. Конечно, рабочий считал необходимым изжить эти широко распространенные «бюрократические безобразия».

Двадцатипятитысячники часто не владели даже сельскохозяйственной терминологией для организации колхозного труда. В Буинском колхозе на вопрос инструктора: Почему в хозяйстве отстает контрактация? Рабочий ответил: «А ты скажи сначала, что такое контрактация, с чем ее кушают. Я ведь не знаю»²⁵. Впрочем, инструктор по его словам тоже не смог доходчиво это объяснить. Снабжение рабочих экономической и политической литературой в Татарской республике было неудовлетворительным. В мае 1930 г. в Свияжском кантоне двадцатипятитысячник вместо актуальной литературы получил статью Сталина «Головокружение от успехов»²⁶.

Несмотря на борьбу с перегибами двадцатипятитысячники в основном сохранили антикулацкие настроения. Летом 1930 г. рабочий Валеев, командированный в Мамадышский кантон Кукморскую волость, заявлял что «кулачество не спит, оно развивается в деревнях»²⁷. В Елабужском кантоне, по информации двадцатипятитысячника, кулаки разбрасывали листовки от имени Евангелической церкви, в которых призывали срывать уборочную кампанию и хлебозаготовки, не платить налоги. В Теньковском районе активист прямо утверждал, что «все неурядицы, пожары, вредительство, поджог колхозов, все это от кулака»²⁸. Опираясь на подобные настроения власть, проводила последовательную политику, направленную на социальный раскол деревни.

В 1930 г. многие двадцатипятитысячники ощущали неприязненное отношение со стороны жителей деревни. По словам рабочего, командированного в Челнинский кантон: «Зачастую в кооперации приходится слышать такие разговоры: “Какие тут привилегии имеют колхозники? Я отпускаю одинаково и колхознику и единоличнику”. Такое же отношение, да пожалуй, и хуже к двадцатипятитысячникам»²⁹.

Неудивительно, что двадцатипятитысячники как проводники репрессивной политики власти становились объектами террористических актов со стороны крестьянства. Москвич Салихов отмечал факты, когда жители деревни выбрасывали из окон колхозных бригадиров, а ночью совершали покушения³⁰. В Бугульминском кантоне рабочие фиксировали изменение «тактики» кулаков – вместо открытых выступлений они подговаривали «отсталые элементы» в большинстве случаев женщин. На вражескую пропаганду списывался случай, когда на колхозном собрании раздавались крики: «Косой снимем голову за озимые, знаем мы ваши проделки, опять посадите нас на 9-ти фунтовый паек»³¹.

Пропаганда классовой борьбы глубоко засела в сознании рабочих, которые видели причины экономических затруднений деревни в неправильном социальном происхождении чиновников. Двадцатипятитысячник Валеев, утверждал что в «высших организациях», под которыми он понимал, вероятно, районных и областных властей, работали служащие, а не представители бедноты и батрачества. По его словам, служащие «с крестьянством не связаны, не знакомы и никогда этой работы не поставят, так как те, кто связан с крестьянством»³².

Впрочем, сами двадцатипятидесятники признавали, что жизнь в деревне они тоже не знали.

После кампании по борьбе с перегибами многие двадцатипятидесятники констатировали, что «наши партийные и комсомольские организации в деревнях стали работать слабо»³³. В связи с этим на рабочих ложилась дополнительная нагрузка в ходе выполнения хозяйственно-политических кампаний.

В 1930 г. механизация сельского хозяйства, которая пропагандировалась, как главное преимущество коллективного хозяйства над единоличным проводилась неэффективно. В Чистопольском кантоне двадцатипятидесятник жаловался на «контрреволюционное отношение» со стороны Центрколхозсоюза приславшего неисправные сеялки, починить которые не удалось и сеять пришлось в ручную³⁴. В Челнинском кантоне прибывшие жатки были собраны из частей, произведенных на разных заводах, поэтому часто ломались. Двадцатипятидесятник Просеков (Свияжский кантон) заявлял: «Получишь машину, но ее машиной назвать нельзя, а можно назвать запасной частью к такой-то машине»³⁵.

Не менее сложной проблемой было отсутствие опытных кадров для работы с сельскохозяйственной техникой. В Арском кантоне рабочие после прохождения четырехмесячных курсов «совершенно не умели подойти к трактору». На просьбу к Татколхозсоюзу, чтобы прислали инструктора в кантон, был отправлен ученик. Данная ситуация привела к тому что вместо действующего трактора в хозяйстве появилась «разваленная телега»³⁶.

Трудности возникали с созданием в колхозах групп бедноты как требовали директивы партии. По мере расширения хозяйств основную массу в них стали составлять середняки, поэтому группы из одной бедноты создать стало проблематично. Среди середняков ходили разговоры: «Пошел в колхоз вместе с беднотой, там создадут группу бедноты, и они решат, а ты должен делать»³⁷. Поэтому рабочий Кононов считал, что эти группы нужны только в исключительных случаях. Таким образом, некоторые двадцатипятидесятники не принимали линию партии на раскол деревни по классовому признаку.

Директивное руководство колхозами и совхозами со стороны партийно-государственного аппарата только усиливало хозяйственные трудности. В Арском кантоне после утверждения планов посевной и уборочной кампании были получены распоряжения «сверху» и все пришлось переделывать. Рядовые колхозники возмущались подобной ситуации: «Что же вы делали, делали, а теперь снова переделываете»³⁸. В тоже время для реального, а не бумажного управления колхозно-совхозной системой отсутствовали необходимые ресурсы. Рабочий из Буинского кантона считал, что Райколхозсоюз был не в состоянии обслуживать эту систему из-за недостатка штатных работников. Симптоматично, что председатель правления Колхозсоюза выезжал в командировки в рваных сапогах из-за отсутствия средств. В теории, по мнению двадцатипятидесятника райколхозсоюз это «контора будущей большой сельскохозяйственной фабрики»³⁹. Так идея превратить сельскую местность в некое гигантское промышленное предприятие по примеру города оказалась невыполнимой.

Советская бюрократия, по мнению двадцатипятидесятников являлась серьезной помехой в деле реконструкции деревни. Рабочие эмоционально

заявляли, что мешает «гора циркуляров, сведения, сведения и еще раз сведения, заели нас эти сведения». Татарский обком ВКП(б) регулярно присылал на места новые формы отчетности такие как «движение капиталов в колхозе за две недели», чем ставил местное руководство в тупик. Рабочих возмущала ситуация, когда – «только заполнишь одни сведения, а завтра получаешь уже новую форму сведений о том же самом, только переставленную шиворот на выворот». Громоздкая форма отчетности была зачастую непосильна для вчерашних пролетариев. С марта по июль 1930 г. в один из колхозов пришли 150 телеграмм из Райколхозсоюза⁴⁰.

Непростым вопросом оставалось распределение двадцатипяти тысячников на должности в деревне. По ситуации на конец марта 1930 г., секретариат Татарского обкома ВКП(б) оценивал удовлетворительно распределение рабочих на конкретные должности в колхозах. При этом кантонам и райкомам предлагалось проверить «отдельные случаи» неправильного использования двадцатипяти тысячников (временная работа и т. д.)⁴¹.

Типичный случай произошел с двадцатипяти тысячником Антоновым, командированным в Буинский кантон, который работал с февраля по май 1930 г. председателем колхоза. Но неожиданно его назначают секретарем волостного комитета ВЛКСМ, что не устроило рабочего, так как он являлся «политически и технически очень малограмотным, не проходил никаких курсов». Антонов в письме в Московский совет профсоюзов выражал недовольство своей новой должностью и просил предоставить ему работу слесаря. Кроме неподходящей должности, он возмущался своим материальным обеспечением, так как «когда работал на фабрике, то получал рабочий паек, был сыт и одет, теперь этого я не видел 6 месяцев»⁴².

В Челнинском районе сняли с работы двух двадцатипяти тысячников, один из которых был «совершенно безграмотный». Они признавали, что мы «производственники незнакомы еще с сельскохозяйственной работой». Утверждалось, что «при такой массовой передвижке рабочих, безусловно, отдельные ошибки могли быть и имели место, особенно в период обострения отношений в деревне»⁴³. В данном случае рабочий пытается оправдать допущенные в работе перегибы с помощью ссылки на «теорию» Сталина об «обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму».

В письмах рабочих фиксировались вопиющие случаи отсутствия внимания со стороны местного руководства. Так бакинский рабочий прибывший в Арский кантон в феврале 1930 г. в течение пяти месяцев не имел постоянной работы. двадцатипяти тысячник негодовал, почему он член ВКП(б) с 1919 г. должен «ходить кланяться и просить работу»⁴⁴.

Судя по документам совещаний рабочих двадцатипяти тысячников, большинство из них выражали недовольство уровнем снабжения продовольствием. По словам одного из них: «В деревне мы не можем найти яиц, так как все они идут на контрактацию». Рабочий, направленный в Буинский кантон жаловался, что кооператив им выделял в месяц только 20 фунтов муки. Остальные продукты они были вынуждены покупать по высоким ценам на частном рынке⁴⁵. Даже те рабочие, которых снабжали неплохо, жаловались на отсутствие дефицитных товаров, таких как сахар и мануфактура. По данным одного

из двадцатипяти тысячников, чтобы получить сахар «нужно предварительно идти к секретарю волкома, нажать на него, хотя на это есть соответствующая директива»⁴⁶.

По нормам снабжения, установленным в Татарской республике в 1930 г., двадцатипяти тысячники должны были получать в день 600 г хлеба, 200 г масла, 500 г мыла, 1500 г крупы, 300 г махорки, 500 г сахара, в месяц 50 г чая, на квартал шесть метров мануфактуры⁴⁷. Но в подавляющем большинстве случаев данные нормы не соблюдались. В итоге рабочие жаловались, что не получали макарон и вермишель, а муку можно было купить только у частника за 20 рублей.

Характерным было обращение пяти двадцатипяти тысячников, командированных в Буинский кантон летом 1930 г., с жалобой на неудовлетворительное снабжение в потребительском обществе. В правлении служащие ответили, что они могут получать товары «на общих основаниях». Возмущенные рабочие написали об этом случае письмо в газету «Красная Татария»⁴⁸. Ситуация с промышленными товарами в деревне была не лучше. Рабочий Пронин приехал в Татарскую республику без запаса одежды и вынужден был просить предоставить ему ботинки, костюм, рубашку и т.д. В деревнях подобные факты называли «рвачеством», что возмущало командированных и приводило к конфликтам. Не только рабочие, но и местные крестьяне негативно оценивали работу

AK (b) F. Merkezi Kontrol Komissjoni
AŞŞC.

Xəlk İşçi Qəndli Mufəttişliji
Komissarlığı

Бану, Коммунистич., 11/13. ЦКН. АКП (б) — НК РКН АССР.

В ЦК АКП — сельхозсектор

Центральная Контрольная Комиссия
АКП (б).

Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции АССР.

Ввиду перехода на фторегистрационную систему доопределения при ответе, сослаться на наш индекс (№) и ДАТУ.

Для отметок

Копия — Казань, Татарскому

Ваш индекс (№) _____ дата _____

Наш индекс _____ дата _____

0219 22.VI.30.

Вопрос: В ответ на полученную телеграмму от 15/VI о невыплате разницы рабочему 5-го промысла Сураханского района т. Муратову, отведенному на колхозную работу в счет 25.000, сообщаем результат произведенного обследования.

С момента выезда т. Муратова из Баку ни администрация промысла, ни местные парт. и проф. организации совершенно не имели сведений о месте его работы, не говоря уже о размерах получаемого им содержания в колхозе.

В связи с этим, на основе указаний ЦУ Азнефти первая выплата в счет причитающейся ему разницы была произведена из расчета 50% среднего заработка на производстве.

/см. на обороте/

Приложение на листах. Ответ ожидается к

Телеграмма о работе двадцатипяти тысячника Муратова. 22 июня 1930 г.
ГА РТ, ф. П-15, оп. 2, д. 802, л. 3.

Telegram about the work of twenty-five-thousander Muratov. June 22, 1930.
State Archive of the Republic of Tatarstan, fond P-15, series 2, file 802, p. 3.

потребительской кооперации, говоря: «Отдали деньги – не знаем куда, что будут делать»⁴⁹.

Решением проблемы снабжения зачастую становились чистки в организациях. В Теньковском районе двадцатипятидесятники вскрыли «гниль» в кооперативном обществе: растрата достигала 30 000 рублей, больше двух месяцев не держался ни один руководитель, организации закрыли кредит и лимиты, нужные товары отсутствовали. Когда рабочий захотел купить сандалии – ему заявили что это возможно только в обмен на сырье⁵⁰.

Насущной проблемой являлось денежное обеспечение двадцатипятидесятников. Зарплаты в деревне, как правило, были ниже, чем в городах, поэтому разницу рабочим компенсировали их предприятия. Но на практике это требование соблюдалось не всегда. Рабочий из Баку Муратов заявлял, что он как секретарь волостного комитета получал 77 руб. в месяц в то время как на заводе – 140. За пять месяцев работы в деревне в 1930 г. разницу ему не компенсировали, несмотря на отправленные на предприятия письма⁵¹. После переписки с пославшим его 5-м нефтяным промыслом выяснилось, что причина не выплаты содержания состояла в том, что администрация не имела никаких сведений о месте его работы и размере жалования⁵².

На руководящих должностях двадцатипятидесятники получали зарплаты намного ниже, чем зарабатывал в среднем квалифицированный промышленный рабочий. Так по состоянию на апрель 1930 г. в Арском кантоне председатель колхоза получал от 20 до 30 руб., председатель Райсоюза – 56, члены правлений – 55, секретари волкомов – 70 руб. Согласно документу, ни одному из двадцатипятидесятников разницу в зарплате не компенсировали⁵³.

Повсеместно связь рабочих с направившими их предприятиями не была налажена. В связи с этим двадцатипятидесятники выражали недовольство отсутствием внимания и положенного материального обеспечения. Например, один из рабочих беспокоился, что, по слухам, его предприятие остановило работу на полтора месяца и сократило 150 человек⁵⁴. Работник обоснованно беспокоился, чтобы не попасть под увольнение. Похожая ситуация была с двадцатипятидесятницей Зайцевой, направленной в Челнинский кантон московским заводом «Красный Богатырь». Она жаловалась на отсутствие связи с руководством предприятия. Рабочая направила в столицу два письма, но ответа так и не получила⁵⁵.

Одним из ключевых препятствий для успешной работы двадцатипятидесятников являлись противоречия с партийно-советским аппаратом. Напряженные отношения «местных» и «приезжих» создавали благоприятную атмосферу для взаимных интриг и доносов. Так, рабочий из Подольска коммунист Х. Абубакиров жаловался в письме в областной комитет на конфликт с членами партии. Дело состояло в том, что когда Абубакиров пьяный спал в общежитии местные партийцы, узнали об этом и пришли к нему, забрали партийный билет, командировочное удостоверение и 12 руб.⁵⁶

Любая чрезвычайная организация, создаваемая партией в деревне, становилась альтернативой местной власти – так было в 1918 г. с комбедами. В 1930 г. двадцатипятидесятники оказались в похожей ситуации. Бигиев, направленный в Мензелинский кантон, на замечание что двадцатипятидесятники командуют над сельсоветами, отвечал: «Если имеются сельсоветы малоопытные,

в областной ком. партии эк. н. б. татарск.
 от рабочего Ковалюшка
 Абубакирова Хисама.
 за-р. гос. величина г. Подольск.

Заявление

Т. раму област. ком. эк. н. б. разобрать
 Председателю в Татарстанскую на Ковалюш. раб.
 Я вынужден был написать вам. досада пор я не употре-
 бляю и в виду не переписки злился, на
 своей квартире. В комнате нас жило 3-е лиц
 со мной жил я был в разногласии политич.
 партии. Он был настроен против нас как
 коммуниста и вот ему передала, что я пишу
 вынужден, он здесь же позвал зов. Кавалюш.
 и. Валиуллина который писал, как ценного
 в д. л. писал. Партизанский № 009812 и
 командировочную путевку, 12 руб. денег
 Просились т. л. сообщить, что
 документы и азиатская, в д. л. зов.
 Кавалюш. в виду отъезда поезда на
 который ушел был в д. л. б. л. и
 не мог высказать вопроса
 Что и прощу областной ком. партии
 разобрать мое дело. Чем партией с
 1918г. рабочий стаж 19 лет до этого
 времени за мной не каких замечаний
 Не было 3/II 1930г.
 Абубакиров Хисам —

Заявление
 двадцатипятилетия
 Х. Абубакирова. 3 февраля
 1930 г. ГА РТ, ф. П-15,
 оп. 2, д. 813, л. 2.

Application by twenty-five-
 thousander Kh. Abubakirov.
 February 3, 1930. State
 Archive of the Republic
 of Tatarstan, fond P-15,
 series 2, file 813, p. 2.

политически мало развитые, почему не сказать сделать то-то и то-то. Сельсоветы должны быть нашим руководством»⁵⁷. В том же кантоне двадцатипятилетия утверждал, что в управление кресткомом пролезли кулаки и нужно взять управление деревенских органов «в свои мозолистые руки»⁵⁸.

Отношение двадцатипятилетия с местными работниками иллюстрирует высказывание Кудряшова (Буинский кантон) на совещании: «Некоторые работники говорили приехавшим товарищам – вы молодые, не имеете практического опыта. Им крайне не нравится, что молодые товарищи начинают им указывать. С этим надо бороться»⁵⁹. Данный факт демонстрирует помимо бюрократических трений межпоколенческий конфликт в деревне, где молодежь, как правило, занимала более радикальную позицию.

В Мензелинском кантоне бригада двадцатипятилетия с самого приезда ощущала негативное отношение со стороны местных чиновников. Один из них констатировал, что бюрократы «изыскивали всякие способы отделаться от нас». После проверки рабочими штатов выяснилось, что председатели

райколхозсоюза, потребобщества, кредитной организации являлись муллами или их родственниками⁶⁰.

Низовые сельские власти были гораздо теснее связаны с интересами крестьянства, чем приезжие рабочие. Такое положение вызывало раздражение двадцатипятитысячников, которые отмечали многочисленные случаи, когда «сельские советы не понимают значение того или иного мероприятия и двадцатипятитысячник дает ему соответствующие разъяснения»⁶¹. По мнению рабочего Салихова позорными являлись факты, когда председатели сельского совета не состояли в колхозах, хотя в их деревнях они существовали. Двадцатипятитысячник Кононов вообще предлагал заменить 30 % председателей сельских советов, как скрытых противников колхозов и мобилизовать туда 10 000 рабочих⁶².

На двадцатипятитысячников было возложено множество задач, выполнение которых было невозможно без тесного взаимодействия с сельскими советами. Рабочий из Москвы Соловьев служивший в одном из них, отмечал, что это учреждение варилось в собственном соку – «мы имеем сплошной поток бумаг»⁶³. На сельском уровне в Татарской республике отсутствовала помощь со стороны районных и кантонных структур, связь осуществлялась только в бумажном виде.

Конфликтовали рабочие и с чиновниками республиканского уровня. С Татколхозсоюзом отношения двадцатипятитысячников были настолько напряженными, что один из них требовал «просто взять пролетарскую дубинку и лупить ее до тех пор, чтобы остались одни черепки»⁶⁴.

Трудности привели к дезертирству рабочих из деревни. В документах фиксировались случаи когда «некоторые бакинские рабочие удрали в Баку и другие места»⁶⁵. Из Татарской республики в местные газеты были направлены статьи, в которых сбежавшим объявлялся строгий выговор и требовалось не принимать их на прежнюю работу.

Постепенно втянувшиеся в сельскохозяйственные работы некоторые двадцатипятитысячники стали проявлять «местнические» настроения и выступать против антикрестьянской политики. Примечательное письмо на имя Сталина 24 сентября 1930 г. направил московский рабочий, командированный в Омарскую волость Мамадышского кантона. Двадцатипятитысячник работавший председателем сельского совета, в подчеркнуто лояльной форме сообщал вождю о перегибах со стороны местных партийцев. Во-первых, рабочий возражал против волюнтаристского плана по расширению посевной площади на 161 %, для которого не хватало семян, рабочего скота и необходимых кормов. Во-вторых, он отказался принять задание Районного исполнительного комитета (РИК) по хлебозаготовке на 3 000 пудов. Свой отказ он обосновал сложными погодными условиями (засуха) и низким урожаем. Крестьяне, по его данным, категорически отказывались платить положенную на них норму 2-5 пудов на едока, платили в среднем 1-2 пуда. По словам двадцатипятитысячника «исходя из всех материальных и экономических возможностей выполнить данное задание, я со всей своей энергией не сумею». Рабочий недоумевал, когда в РИКе ему ответили что «надо жать, пусть покупают», но при этом была развернута борьба с мешочниками⁶⁶. Выступая против очевидных для него перегибов, двадцатипятитысячник стал действовать против политики партии, которая заключалась

в максимальном давлении на крестьян. Подобное «местничество» помимо объективных условий было вызвано частыми зигзагами генеральной линии ВКП(б) в отношении деревни.

Самой напряженной кампанией, к которой привлекали рабочих, была хлебозаготовка. В Елабужском кантоне, по информации двадцатипятидесятника, «условия хлебозаготовок значительно труднее, чем в прошлом году». В том же кантоне членам колхозов раздавали по 3 фунта хлеба на семью, что было явно недостаточно⁶⁷.

Одним из последствий нажима на деревню стала все возрастающая проблема с продовольствием, которая неизбежно вела к голоду. Уже в 1930 г. руководство Татарской республики признавало наличие остронуждающихся районов, где беднота осталась без хлеба, что привело к волнениям⁶⁸. По данным ОГПУ на 5 июля 1930 г., в некоторых кантонах нехватку продовольствия испытывала третья часть всех хозяйств. Особенно неблагополучно было в Челнинском кантоне, где было учтено 8 750 крестьянских хозяйств которые, остро нуждались в помощи⁶⁹.

По сведениям Татарского обкома ВКП(б) на ноябрь 1931 г. в республике работало 189 двадцатипятидесятников (из 400 прибывших в 1930 г.) из которых татар было 111 (58,7 %), русских – 70 (37,2 %), представителей национальных меньшинств – 3 (1,6 %), прочих – 1 (0,6 %). По партийному стажу рабочие делились на следующие группы с 1917 г. – 1 (0,6 %), 1918-1920 гг. – 4 (2,1 %), 1921-1925 гг. – 34 (28,0 %), с 1926 г. и позже – 123 (65,0 %). Комсомольцев среди них насчитывалось всего 4 (2,1 %). 23 рабочих были беспартийными (12,2 %)⁷⁰. Таким образом, количество двадцатипятидесятников снизилось более чем вдвое по сравнению с началом 1930 г. Наиболее заметно уменьшение количества русских рабочих по сравнению с татарами, что связано с оттоком на промышленные предприятия, из-за неудовлетворительных условий труда.

По данным 32 районов Татарской республики на ноябрь 1931 г. большинство двадцатипятидесятников работали на колхозной работе – 93 (40,0 %). Кроме того, 43 (21,9 %) человека работало по линии сельскохозяйственной кооперации, 9 (4,7 %) трудились в МТС (Машинно-тракторные станции), 12 (6,4 %) на партийной работе, 7 (3,7 %) в потребительской кооперации и т. д.⁷¹ Важная роль двадцатипятидесятников в социалистической реконструкции деревни во многом определялась занимаемыми ими ответственными должностями.

Государство в 1930 г. пыталось мобилизовать кадровые ресурсы города на сложный участок реконструкции сельского хозяйства. Но прибывшие на момент наибольшего подъема насильственной коллективизации в татарскую деревню рабочие оказались не готовы к повседневной работе по развитию сельского хозяйства в небольших хозяйствах в период оттока из них крестьян. Двадцатипятидесятники не могли эффективно руководить созданными в короткие сроки колхозами. Они были не в состоянии преодолеть формализм и бюрократизм, характерные уже для раннего этапа существования колхозно-совхозной системы. В целом, несмотря на партийные директивы, их деятельность в ТАССР мало чем отличалась от работы их соратников, отправленных в другие аграрные регионы.

Документы свидетельствуют, что значительная часть двадцатипятидесятников не смогла адаптироваться в новых для себя условиях. Успешной деятельности

активистов в деревне препятствовали следующие факторы: незнание ими сельского хозяйства, неспособность к организаторской работе, недостаток помощи со стороны государственных структур, тяжелые материально-бытовые условия. Отношения с местным чиновничьим аппаратом складывались сложно из-за конкуренции в борьбе за власть в деревне. Неблагоприятные условия работы порождали стремление рабочих вернуться назад в город. Кампания по отправке двадцатипяти тысячников в деревню не стала примером успешного осуществления социальной мобильности. Большинство рабочих при появлении возможности стремились покинуть деревню.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Езерская Д. М., Ивницкий Н. А. Двадцатипяти тысячники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. (Отбор, распределение, итоги первого года работы) // Материалы по истории СССР. Документы по истории советского общества. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 1. – С. 390-407; Борисов Ю. С. 25-тысячники. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 95 с.; Селунская В. М. Рабочие двадцатипяти тысячники. – Москва: изд-во Моск. ун-та, 1964. – 228 с. и др.
2. Троценко Н. Д. Проблемы адаптации 25-тысячников в условиях коллективизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2010. – Т. 9. – № 1. – С. 286-291; ее же. Двадцатипяти тысячники в Западной Сибири: реализация социально-мобилизационных функций (1930-1931 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 39-42.
3. Левакин С. А. Рабочие-двадцатипяти тысячники в составе колхозной администрации на Юге России: бытовые и профессиональные аспекты // Известия Российского гос. пед. университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 33 (73). – С. 276-280.
4. Мику Н. В. Двадцатипяти тысячники в Пензенском крае // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 6 (48). – С. 129-130.
5. Иевлева О. И. Роль двадцатипяти тысячников в коллективизации сельского хозяйства Сухиничского округа // Вестник научных конференций. – 2016. – № 3 (3). – С. 61-64.
6. Герман А. А. Ленинградские рабочие-двадцатипяти тысячники в Республике немцев Поволжья: участие в коллективизации, дальнейшая судьба // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – 2015. – № 1. – С. 144-155.
7. Гончарова И. В. Формирование управленческих кадров колхозов начала 1930-х гг. в Центральном Черноземье // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 1(78). – С. 17-20.
8. Галлимуллин И. И. Коллективизация сельского хозяйства в Татарской АССР, 1929-1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000. – 214 с.
9. Ахметшина Ф. А. Из истории коллективизации сельского хозяйства Елабужского района ТАССР (1930-1931, 1934-1935 гг.) // Научный Татарстан. – 2021. – № 4. – С. 21-28.
10. Аструтдинова Р. А. Коллективизация, колхозы и современные формы хозяйствования на селе в республике Татарстан // Научный Татарстан. – 2023. – № 2. – С. 35-39.
11. Левада Ю. А. Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5. – С. 7.
12. Материалы по истории СССР. Документы по истории советского общества. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 1. – С. 408.
13. Статистический ежегодник по Татарской Советской Социалистической Республике. – Казань: Гос. объедин. типо-лит. Татполиграфа, 1928. – Т. 1. – С. 10.
14. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. П-15, оп. 2, д. 883, л. 1.

15. Там же, л. 2.
16. Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю., Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А., Якимов К. Я. «Российская деревня первой трети XX века: поколение революционного перелома». – Москва: Квадрига, 2025. – С. 16.
17. Селунская В. М. Рабочие-двадцатипятидесятники – проводники политики партии в колхозном строительстве (1929-1930 годы) // Вопросы истории. – 1954. – № 3. – С. 23.
18. ГА РТ, ф. П-15, оп. 2, д. 883, л. 2.
19. Материалы по истории СССР. Документы по истории советского общества. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 1. – С. 463.
20. Троценко Н. Д. Формирование группы 25-тысячников для работы в сибирской деревне (ноябрь 1929 – январь 1930) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2011. – Т. 10. – № 10. – С. 129.
21. ГА РТ, ф. П-15, оп. 2, д. 883, л. 10.
22. Езерская Д. М., Ивницкий Н. А. Двадцатипятидесятники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. (Отбор, распределение, итоги первого года работы) // Материалы по истории СССР. Документы по истории советского общества. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 1. – С. 388.
23. ГА РТ, ф. П-15, оп. 2, д. 812, л. 15.
24. Там же, л. 5.
25. Там же, л. 51.
26. Там же, л. 99.
27. Там же, л. 4.
28. Там же, л. 27.
29. Там же, л. 7.
30. Там же, л. 6.
31. Там же, л. 41.
32. Там же, л. 5.
33. Там же, л. 4.
34. Там же, л. 12.
35. Там же, л. 15.
36. Там же, л. 20.
37. Там же, л. 48.
38. Там же, л. 19.
39. Там же, л. 50.
40. Там же, л. 50.
41. Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР 1927-1937 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1968. – С. 145.
42. ГА РТ, ф. П-15, оп. 2, д. 802, л. 47.
43. Там же, д. 813, л. 31.
44. Там же, л. 45.
45. Там же, л. 28.
46. Там же, л. 30.
47. Там же, д. 812, л. 86.
48. Там же, д. 813, л. 33.
49. Там же, д. 812, л. 89.
50. Там же, л. 101.
51. Там же, д. 813, л. 27.
52. Там же, д. 802, л. 84.
53. Там же, д. 883, л. 6.

54. Там же, д. 813, л. 31.
55. Там же, л. 23.
56. Там же, л. 2.
57. Там же, л. 37.
58. Там же, д. 812, л. 38.
59. Там же, д. 813, л. 29.
60. Там же, д. 812, л. 84
61. Там же, л. 7.
62. Там же, л. 51.
63. Там же, л. 38.
64. Там же, л. 88.
65. Там же, л. 8.
66. Там же, д. 813, л. 54.
67. Там же, д. 812, л. 12.
68. Там же, л. 65.
69. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – С. 535.
70. Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР 1927-1937 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1968. – С. 176.
71. Там же. – С. 176.

Список литературы

Аструтдинова Р. А. Коллективизация, колхозы и современные формы хозяйствования на селе в Республике Татарстан // Научный Татарстан. – 2023. – № 2. – С. 35-39.

Ахметшина Ф. А. Из истории коллективизации сельского хозяйства Елабужского района ТАССР (1930-1931, 1934-1935 гг.) // Научный Татарстан. – 2021. – № 4. – С. 21-28.

Безгин В. Б., Вязинкин А. Ю., Ипполитов В. А., Сафонов Д. А., Слезин А. А., Якимов К. Я. Российская деревня первой трети XX века: поколение революционного перелома. – Москва: Квадрига, 2025. – 503 с.

Борисов Ю. С. 25-тысячники. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 95 с.

Галлимуллин И. И. Коллективизация сельского хозяйства в Татарской АССР, 1929-1932 гг.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2000. – 214 с.

Герман А. А. Ленинградские рабочие-двадцатипятидесятники в Республике немцев Поволжья: участие в коллективизации, дальнейшая судьба // Ежегодник международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – 2015. – № 1. – С. 144-155.

Гончарова И. В. Формирование управленческих кадров колхозов начала 1930-х гг. в Центральном Черноземье // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2018. – № 1(78). – С. 17-20.

Езерская Д. М., Ивницкий Н. А. Двадцатипятидесятники и их роль в коллективизации сельского хозяйства в 1930 г. (Отбор, распределение, итоги первого года работы) // Материалы по истории СССР. Документы по истории советского общества. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. – Т. 1. – С. 390-407.

Иевлева О. И. Роль двадцатипятидесятников в коллективизации сельского хозяйства Сухиничского округа // Вестник научных конференций. – 2016. – № 3(3). – С. 61-64.

Коллективизация сельского хозяйства Татарской АССР 1927-1937 гг. – Казань: Таткнигоиздат, 1968. – 345 с.

Левада Ю. А. Поколения XX века: Возможности исследования // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2001. – № 5. – С. 7-14.

Левакин С. А. Рабочие-двадцатипятидесятитысячники в составе колхозной администрации на Юге России: бытовые и профессиональные аспекты // Известия Российского гос. пед. университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 33(73). – С. 276-280.

Мику Н. В. Двадцатипятидесятитысячники в Пензенском крае // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 6(48). – С. 129-130.

Селунская В. М. Рабочие двадцатипятидесятитысячники. – Москва: изд-во Моск. ун-та, 1964. – 228 с.

Статистический ежегодник по Татарской Советской Социалистической Республике. – Казань: Гос. объедин. типо-лит. Татполиграф, 1928. – Т. 1. – 59 с.

Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. – 927 с.

Троценко Н. Д. Проблемы адаптации 25-тысячников в условиях коллективизации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2010. – Т. 9. – № 1. – С. 286-291.

Троценко Н. Д. Двадцатипятидесятитысячники в Западной Сибири: реализация социально-мобилизационных функций (1930-1931 гг.) // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 1. – С. 39-42.

Троценко Н. Д. Формирование группы 25-тысячников для работы в сибирской деревне (ноябрь 1929 – январь 1930) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. – 2011. – Т. 10. – № 10. – С. 125-130.

References

Astrutdinova R. A. *Kollektivizatsiya, kolhozy i sovremennye formy hozyajstvovaniyanasele v respublike Tatarstan* [Collectivization, collective farms and modern forms of rural management in the Republic of Tatarstan]. IN: *Scientific Tatarstan*, 2023, no. 2, pp. 35-39.

Akhmetshina F.A. *Iz istorii kollektivizatsii sel'skogo hozyajstva Elabuzhskogo rajona TASSR (1930-1931, 1934-1935 gg.)* [From the history of collectivization of agriculture in the Elabuga region of the TASSR (1930-1931, 1934-1935)]. IN: *Scientific Tatarstan*, 2021, no. 4, pp. 21-28.

Bezgin V. B., Vyazinkin A. Yu., Ippolitov V. A., Safonov D. A., Slezin A. A., Yakimov K. Ya. *Rossiyskaya derevnya pervoj treti XX veka: pokolenie revolyucionnogo pereloma* [The Russian Village of the First Third of the 20th Century: the Generation of the Revolutionary Turning Point]. Moscow, 2025, 503 p.

Borisov Yu. S. *25-tysyachniki* [25-thousanders]. Moscow, 1959, 95 p.

Gallimullin I. I. *Kollektivizatsiya sel'skogo hozyajstva v Tatarskoj ASSR, 1929-1932 gg.: dis. ... kand. ist. nauk* [Collectivization of agriculture in the Tatar ASSR, 1929-1932: dissert. ... candidate of historical sciences]. Kazan, 2000, 214 p.

German A. A. *Leningradskie rabochie-dvadsatipyatitsyachniki v Respublike nemcev Povolzh'ya: uchastie v kollektivizatsii, dal'nejshayasud'ba* [Leningrad workers-twenty-five thousanders in the Volga German Republic: participation in collectivization, further fate]. IN: *Yearbook of the international association of researchers of the history and culture of Russian Germans*, 2015, no. 1, pp. 144-155.

Goncharova I. V. *Formirovanie upravlencheskih kadrov kolhozov nachala 1930-h gg. v Central'nom Chernozem'e* [Formation of managerial personnel of collective farms in the early 1930s in the Central Black Earth Region]. IN: *Scientific notes of the Oryol State University*, 2018, no. 1(78), pp. 17-20.

Ezerskaya D. M., Ivnitky N. A. *Dvadsatipyatitsyachniki i ih rol' v kollektivizatsii sel'skogo hozyajstva v 1930 g. (Otbor, raspredelenie, itogipervogodaraboty)* [Twenty-five-thousanders and their role in the collectivization of agriculture in 1930 (Selection, distribution, results of the first year of work)]. IN: *Materials on the history of the USSR. Documents on the history of Soviet society*. Moscow, 1955, vol. 1, pp. 390-407.

Ievleva O. I. *Rol' dvadcatipyatitsyachnikov v kollektivizacii sel'skogo hozyajstva Suhinichskogo okruga* [The role of twenty-five thousanders in the collectivization of agriculture in the Sukhinichsky District]. IN: *Bulletin of scientific conferences*, 2016, no. 3 (3), pp. 61-64.

Kollektivizaciya sel'skogo hozyajstva Tatarskoj ASSR 1927-1937 gg. [Collectivization of agriculture of the Tatar ASSR in 1927-1937]. Kazan, 1968, 345 p.

Levada Yu. A. *Pokoleniya XX veka: Vozmozhnosti issledovaniya* [Generations of the 20th century: Research opportunities]. IN: *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 2001, no. 5, pp. 7-14.

Levakin S. A. *Rabochie-dvadcatipyatitsyachniki v sostave kolhoznoj administracii na Yuge Rossii: bytovyie i professional'nye aspekty* [Twenty-five thousand workers as part of the collective farm administration in the South of Russia: everyday and professional aspects]. IN: *Bulletin of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 2008, no. 33 (73), pp. 276-280.

Miku N. V. *Dvadcatipyatitsyachniki v Penzenskom krae* [Twenty-five-thousanders in the Penza region]. IN: *International research journal*, 2016, no. 6(48), pp. 129-130.

Selunskaya V. M. *Rabochie dvadcatipyatitsyachniki* [Workers of the Twenty-Five Thousanders]. Moscow, 1964, 228 p.

Statisticheskij ezhegodnik po Tatarsko Sovetskoj Socialisticheskoy Respublike [Statistical yearbook of the Tatar Soviet Socialist Republic]. Kazan, 1928, v. 1, 59 p.

Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizaciya i raskulachivanie. 1927-1939. Dokumenty i materialy [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927-1939. Documents and Materials]. Moscow, 2000, vol. 2, 927 p.

Trotsenko N. D. *Problemy adaptacii 25-tysyachnikov v usloviyah kollektivizacii* [Problems of adaptation of 25-thousanders in the conditions of collectivization]. IN: *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 2010, vol. 9, no. 1, pp. 286-291.

Trotsenko N. D. *Dvadcatipyatitsyachniki v Zapadnoj Sibiri: realizaciya social'no-mobilizacionnyh funkcij (1930-1931 gg.)* [Twenty-five thousanders in Western Siberia: implementation of social mobilization functions (1930-1931)]. IN: *Humanities in Siberia*, 2011, no. 1, pp. 39-42.

Trotsenko N. D. *Formirovanie gruppy 25-tysyachnikov dlya raboty v sibirskoj derevne (noyabr' 1929 – yanvar' 1930)* [Formation of a 25-thousander group for work in a Siberian village (November 1929 – January 1930)]. IN: *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: history, philology*, 2011, vol. 10, no. 10, pp. 125-130.

Сведения об авторе

Ипполитов Владимир Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Тамбовского государственного технического университета, e-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru

About the author

Vladimir A. Ippolitov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Tambov State Technical University, e-mail: vladimir.ippolitov@mail.ru

В редакцию статья поступила 15.09.2025, опубликована:

Ипполитов В. А. Двадцатипятитысячники в татарской деревне: после «головокружения от успехов» // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 1. – С. 27-43.

Submitted on 15.09.2025, published:

Ippolitov V. A. *Dvadsatipyatitsyachniki v tatarskoi derevne: posle "golovokruzheniya ot uspekhev"* [Twenty-Five Thousanders in a Tatar Village: after the "dizziness from success"]. IN: *Gasyrlar avazy – Echo of centuries*, 2026, no. 1, pp. 27-43.